

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 3. С. 234–250.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2024. Vol. 7, no. 3. P. 234–250.

Рецензия на книгу / Book Review

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2024-7-3-234-250

ПОСЛЕ НАПОЛЕОНА: СПОРЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ О РОССИИ И ЕВРОПЕ

Ренард Тимурович Девликамов

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия,

renardik2003@gmail.com

Благодарности. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Девликамов Р. Т. После Наполеона: споры интеллектуалов о России и Европе // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 3. С. 234–250. doi:10.17323/2658-5413-2024-7-3-234-250.

Academic Life. Reviews

AFTER NAPOLEON:
INTELLECTUAL DISPUTES ABOUT RUSSIA AND EUROPE

Renard T. Devlikamov

National Research University

“Higher School of Economics” (HSE University),

Moscow, Russia, renardik2003@gmail.com

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

© Девликамов Р. Т., 2024

For citation: Devlikamov, R. T. (2024) “After Napoleon: Intellectual Disputes about Russia and Europe”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 7(3), pp. 234–250. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2024-7-3-234-250.

Международная лаборатория исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (МЛРИД НИУ ВШЭ) организовала международную научную конференцию «После Наполеона: споры интеллектуалов о России и Европе», прошедшую 17–18 мая 2024 года. Она была посвящена осмыслению *изменения общего порядка европейского мира* после череды масштабных наполеоновских войн. Участникам конференции предлагалось уделить особое внимание новой политической и культурной роли Российской империи: вступив на европейский театр как победитель, Россия перестала выстраивать диалог с Европой в качестве внешнего по отношению к ней игрока, а стала одним из ведущих участников сначала политической, а затем и культурной жизни Европы. Ярким примером является образование военно-политического Священного союза, призванного *сохранить* только что образовавшийся общий порядок мира. В это же время, вопреки консервативной настроенности лидеров стран Священного союза, в государствах Европы распространялись либеральные идеи и активизировалась борьба народов за национальные государства. Для России прямым следствием этого противостояния стало Польское восстание 1830–1831 годов, вызвавшее резонанс по всей Европе и неоднозначные реакции среди интеллектуалов внутри страны. Вместе с обретением новой роли во внешней политике Россия претерпевала грандиозные изменения во внутренней жизни: сначала был принят проект реформ М. М. Сперанского, преобразовавший деятельность высших органов власти, систему образования всех уровней, расширивший права купеческого сословия и впоследствии ожививший обсуждение темы свободы человека в стране, отягощенной крепостным правом. Настоящим интеллектуальным прорывом стала «История государства Российского» Н. М. Карамзина, открывшего для всей читающей публики Россию, «как Колумб Америку», а свидетельством литературного и даже общекультурного взлета страны было явление А. С. Пушкина. Тем не менее, несмотря на очевидные успехи, в России после Наполеона зрели глубокие противоречия, вызванные приостановкой реформ, с одной стороны, и ростом гражданского самосознания — с другой. Последствия этих противоречий для России колоссальны, так как неудавшееся восстание декабристов вызвало новую волну политического реакционизма на фоне оформившегося

раскола российских интеллектуалов на партии западников и славянофилов. Объединив в междисциплинарном подходе усилия ученых почти со всего мира (от Шэньчжэня до Парижа), конференция дала всем участникам и слушателям возможность по-новому взглянуть на давно завершившуюся, но продолжающую влиять на нашу современность эпоху.

Открыл международную конференцию д-р филос. наук, ординарный профессор НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник МЛРИД В. К. Кантор (Москва). Во вступительном слове профессор обратил внимание коллег на основные нюансы обсуждаемой эпохи: Наполеон, конечно, разбудил Европу, но со ссылкой на А. С. Пушкина Кантор замечает, что столь глобальное пробуждение — это явление амбивалентное. С одной стороны, Отечественная война освободила духовные силы России, но с другой — это привело к декабризму, отбросившему, по словам Чаадаева, Россию на полвека назад. Также это был период становления русской литературы, ставшей на многие десятилетия основным модусом существования русской культуры. После Наполеона в России появляется и другой француз — де Кюстин, взбудораживший своим трудом о Российской империи всю франкоговорящую публику. В. К. Кантор на историческом примере подтвердил свой изначальный тезис об амбивалентности ключевого события эпохи, завершив свое вступительное слово фразой: «Наполеон настолько разбудил Россию, что она в середине века вступила в Крымскую войну».

Первый доклад прочитал доктор истории А. В. Рачинский (Институт восточных языков и цивилизаций, Париж). Выступление было посвящено предыстории и идеологии Священного союза. Докладчику было важно показать историческую преемственность этого политического объединения. После Наполеона и до Крымской войны все страны Европы жили по лекалам Священного союза, и в этот исторический промежуток не было войн между государствами — уникальный период мира. Наполеоновская Европа начинается еще до коронации, с войн 1795 года. И по своей сути это была первая мировая война, так как она шла по всему миру: в Северной и Южной Америке, Азии, Африке, участвовала даже Австралия. Прообраз Священного союза содержится еще в указаниях молодого императора Александра I, которого называли философом на троне. В самом начале своего царствования он посылал инструкции послам (Воронцову, Новосильцеву) о *непреклонном желании соблюдать в международной политике моральные принципы*. По словам докладчика, в европейскую цивилизацию император не верил. Он считал, что кроме евангельских принципов страны Европы ничего не объединяло. В 1814 году, после вступления русских войск в Париж, встал вопрос о будущем Европы. Александр I предложил жить

по Евангелию: христианство должно было стать общей для государств Европы конституцией. Впервые в истории христианская мораль становится категорией международного права. Примечательно, что название «Священный союз» с французского можно перевести как «Священный завет». Однако против него выступили все финансовые организации Европы, так как Священный союз своими постулатами перечеркивал всю европейскую политическую традицию. И, как считает докладчик, цель четырех стран против России в Крымской войне — это смена неудобной для старых игроков политической системы. Таким был итог Священного союза.

Следующий доклад был прочитан канд. ист. наук А. В. Черновым (Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва). Главный герой его доклада¹ — плохо известный не только широкой публике, но и специалистам из академических кругов дипломат и писатель А. С. Стурдза. Стурдза претендовал на то, чтобы стать ведущим идеологом Священного союза. Но Александра I отталкивала чрезмерно православная ориентация Стурдзы, которая могла насторожить других членов союза. В 1820-е годы Европу охватила волна революций, которые не смог предотвратить Священный союз. Общая причина революций, с точки зрения Стурдзы, крылась в обмирщении сознания. Для предотвращения революции, по мнению дипломата, государям необходимо сохранять всю полноту политической силы, а реформы проводить на укрепление веры, права и власти. Иностранное вмешательство во внутренние дела страны казалось опасным, так как оно может еще сильнее сплотить революционно настроенный народ против внешнего врага. Докладчик также показал динамику развития взглядов Стурдзы по мере вспыхивания новых революций. Например, он, грек по происхождению, считал, что Россия должна поддержать Грецию в войнах 1820-х годов. Стурдза полагал, что греки не являются подданными султана, поэтому они не восстают против своего вассала. Это, по мнению А. В. Чернова, отсылка к теории общественного договора в интерпретации Гоббса. Осуждать греков за создание тайных обществ тоже нельзя, так как они и без этого были вынуждены постоянно жить в тайне. Более того, Греческая революция могла состояться и без чисто военного восстания Александра Ипсиланти. Из анализа развития политических взглядов дипломата докладчик пришел к интересному выводу: Стурдза после Греческой революции склонялся к тому, что есть два типа революций — за улучшение положения граждан (например, Французская революция 1789 года), их он осуждал;

¹ Журнал публикует в этом номере статью А. В. Чернова, написанную на основе доклада. — *Примеч. ред.*

и за существование нации (как раз такая была в Греции). Им Стурдза симпатизировал, так как главной причиной таких революций являются репрессии. По мотивам прочитанного доклада М. С. Киселева заметила, что непредсказуемая и богатая на разные события жизнь внесла коррективы в следование Стурдзы евангельским принципам в политике. А доктор истории Рачинский добавил, что и в России до декабря 1825 года была настоящая попытка революции — восстание Семеновского полка.

Доклад д-ра филол. наук *М. В. Загидуллиной* (Челябинский государственный университет, Челябинск) был посвящен специфике институциональности публичной сферы в России после Наполеона, автономизация которой строилась, в отличие от западных стран, на поисках поддержки власти, а не наоборот. Консенсусная модель «власть — литература — ее институты» развивалась спонтанно; анализ этого развития помогает видеть специфику русской общественной модели в целом: каким образом и почему при любых исторических потрясениях общественные институты стремились к патерналистским иерархиям. Понятно, что русская литература развивалась, борясь с властью за свою автономию. Основной вопрос доклада таков: как русская литература превращалась в инструмент социального конструирования? Докладчица выделила два основных фактора: контроль интеллектуальной сферы и институционализация литературы. Для литературы Наполеон — символ личностной реализации. Соответственно, основной нерв публичной сферы касался вопроса «Мы что, хотим как во Франции?». Этот вопрос разделил интеллектуальную публику на две части — желающих и не желающих. В отношении с государственными институтами шел процесс не автономизации, а скорее самопонимания некоего сотрудничества. В докладе было показано, что антиреволюционная линия в России строилась, вопреки мнению большинства исследователей, не как зажимание свободы, а как поиск консенсуса и объединяющего большинство принципа

Д-р филос. наук *А. А. Кротов* (философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова) прочитал доклад о природе бонапартизма в философии Ивана Аксакова. Аксаков среди прочих славянофилов наиболее пристально рассматривал феномен бонапартизма. Для него эта проблема тесно связана с современной ему политикой. Наполеон — прямое следствие западной культуры и центральный факт мировой истории. Личность здесь приобретает титанические размеры и сталкивается с присущим русскому народу смирением. Ослабление России было выгодно западным державам, но не Западу вообще, не западному народу, так как государство не является адекватным выразителем народных идей, — обращает внимание докладчик. Общество — это второй уровень самосознания

народа. Правильно называть народом простой народ. А в общество могут входить и аристократия, и крестьяне. Цивилизацию (большую, так как во имя свобод она убивает людей) необходимо подчинить христианству. Наполеон хоть и был тираном, но был также и первым артистом в истории, и поэтому мог создать нечто великое. Аксаков политизировал и романтизировал Наполеона I и в связи с этим преувеличил роль Наполеона III в современной ему политике.

Закрывал работу первой секции В. К. Кантор с докладом на тему «А. И. Герцен: от встречи с Наполеоном до Аннибаловой клятвы». Основная идея докладчика заключалась в том, что, замечая из-за границы все слабости Российской империи, Герцен буквально сочинил революционную ситуацию в стране, то есть придумал ее, обратил в текст и превратил простую оппозиционность образованных людей России в «призыв к топору». Переход молодых радикалов от слов к кровавым действиям заставил Герцена написать в 1869 году нечто вроде завещания с призывом к цивилизованности, к отказу от убийств и разрушений норм социальной жизни. Таким образом, письма «К старому товарищу» не просто были политической реакцией на террор молодых бесов, а, по сути, стали свидетельством глубокого переосмысления своих прежних взглядов, переросшего в отречение от себя прежнего.

Вторая секция открылась докладом о взглядах П. А. Вяземского и Н. М. Карамзина на конституцию в России. С ним выступил канд. филос. наук Н. С. Чижков (сектор философии российской истории Института философии РАН, Москва). Основной целью докладчика было сравнение двух политических мировоззрений, которые строятся в основном на двух отличных концепциях свободы. Именно существенные различия в понимании природы свободы и ее общественного значения породили дискуссию между Н. М. Карамзиным и П. А. Вяземским по поводу необходимости конституции для России и ее возможной роли в жизни Российского государства и общества. Их позиции отражали два противоположных подхода к проблеме конституционного развития нашей страны в XIX веке. Если Карамзин видел в конституции многочисленные опасности, то Вяземский, наоборот, настаивал на том, что это единственно возможный путь общественного развития. Этот спор, как заметил докладчик, в тех или иных формах воспроизводился в отечественной интеллектуальной традиции еще более ста лет. В ходе дискуссии А. В. Чернов обратил внимание коллег на то, что спор между двумя мыслителями был исключительно интеллектуальным, так как по жизни Карамзин и Вяземский вовсе не были непримиримыми оппонентами. О. А. Жукова напомнила, что в разговоре о Карамзине необходимо иметь в виду глубокий экзистенциальный кризис и переворот, случившийся с ним в Швейцарии.

Д-р филос. наук, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН А. В. Малинов (СПбГУ, Санкт-Петербург) в своем докладе рассмотрел формирование славянофильского мировоззрения Владимира Ивановича Ламанского, которое пришлось на годы его обучения в Санкт-Петербургском университете (1850–1854), фактически совпавшего с Крымской войной. На основе дневников Ламанского той поры и его более поздних публикаций докладчик воспроизвел его оценки последних лет николаевского царствования, личности императора, гонений и запретов. Дневниковые записи хорошо показывают различие в истоках мировоззрения «ранних» и «поздних» славянофилов. Если московское славянофильство во многом возникло на волне патриотического подъема в русском обществе и чувства национальной гордости, вызванных победой России в войне с Наполеоном, то исходной точкой взглядов поздних славянофилов стал антагонизм Европы и России, спровоцированный антирусским единством Европы и поражением в Крымской войне. Роль России, по мнению Ламанского, не в том, чтобы перенимать европейские идеи, а чтобы привносить в них что-то новое. Также он считал, что государству стоит заботиться о своем внутреннем развитии и не принимать участия в европейских конфликтах. Крымская война возбудила в Ламанском панславянские взгляды. Неудачный для России ход войны сильно разочаровал его; в этом он винил Николая I, сделавшего из России полицейское государство.

Д-р филос. наук, главный научный сотрудник МЛРИД М. С. Киселева (НИУ ВШЭ, Москва) выступила с докладом «И. В. Киреевский: просвещение Отечества как “умственной жизни человеческого рода” и “китайская стена между Россией и Европой”». Свой доклад она начала с весьма печальной ноты: И. В. Киреевский был человеком огромных возможностей, которые так и не нашли своей реализации. Связь между литературой и властью в случае с Киреевским построить не удалось, так как николаевская Россия была совершенно не заинтересована в его деятельности. При этом потребность в трансляции своего знания была осознана Киреевским очень рано — в 21 год. В статье «Деятельность XIX века» он акцентирует внимание на «Китайской стене», стоящей между Россией и просвещенным Западом. Современная Киреевскому Европа была, с его точки зрения, разнородной. В ней возникло разрушительное начало, встретившее реакцию насильственного соединения. Мыслитель считал, что XIX век должен стремиться к соглашению враждующих начал. В этом тезисе, по мнению докладчицы, прослеживается влияние немецкой философии тождества, лекции по которой Киреевский слушал в Германии. Герой доклада считал, что заимствование успехов европейской культуры включает народы в процессы общечеловеческого просвещения, поэтому оно необходимо. Киреев-

ский настаивал на том, что европейская образованность должна проникнуть в Россию через усилия отдельных личностей в области литературы.

Доклад д-ра филос. наук *О. А. Жуковой* (НИУ ВШЭ, Москва), закрывший вторую секцию конференции, был посвящен интеллектуальному опыту Н. В. Станкевича в вопросе об общественном идеале в России и Европе. Европейский вектор в мысли Станкевича просматривается отчетливо. Европа была для него образцом в личностном интеллектуальном запросе на смыслы. Он считал, что сначала необходимо постичь философские и иные идеи Европы, а затем осмыслить их применимость к русской действительности. Обнаружить бытийную связь между человеком и природой помог Станкевичу немецкий философ Фридрих Шеллинг. Также для него была важной линия личностного и просветительского идеала, которую чуть позднее продолжит Грановский. Таким образом, смысл идеала, по Станкевичу, состоит в стремлении к просвещению и личной свободе.

Третья секция конференции началась с возвращения к началу XIX столетия, а именно к «войне перьев» между Россией и Францией в 1800–1814 годах. С докладом на эту тему выступил канд. ист. наук *Н. В. Промыслов* (Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва). В выступлении было сказано, что в XIX веке религиозная книга отступала на второй план по сравнению с XVII и XVIII веками. Более востребованными среди читателей становились беллетристика и периодика. Нужно понимать, что и во Франции, и в России печать жестко контролировалась; во Франции строже, но в России периодических изданий в принципе было меньше. Докладчик неоднократно повторял, что не стоит недооценивать влияние французской прессы на формирование международного образа Российской империи, ее этнических стереотипов. Российская империя служила классическим примером иного общества и иной культуры во французской печати. Это послужило для Наполеона удобным предлогом во внешнеполитической экспансии. В официальной пропаганде говорилось, что Россия стала врагом Европы по ошибке, из-за неправильного самопонимания. Таким образом, французская мифология стала более успешной в формировании исторической памяти. А Россия, победив на поле боя, проиграла в «войне перьев».

Внимание следующего докладчика, канд. филос. наук *А. В. Мартынова* (МЛРИД НИУ ВШЭ, Москва) переключилось на литературную жизнь обсуждаемой эпохи. Андрей Викторович рассмотрел влияние творчества Альфреда де Мюссе на отечественную и европейскую культуры. Его программный роман «Исповедь сына века» (1836) повлиял на формирование концепции психологического романа. Описание дезорганизации социальных норм и институ-

тов в первой части «Исповеди» в значительной степени можно сравнить с теорией аномии, позднее разработанной и введенной в научный оборот Эмилем Дюркгеймом. Афористика, характерная для манеры изложения сюжета, стала одним из факторов, определивших последующую прозу (Оскар Уайльд, Марк Алданов). Одновременно в докладе было проанализировано восприятие творчества Мюссе российскими и зарубежными писателями. Например, Пушкин достаточно высоко оценил начинающего автора, Достоевский видел в Мюссе одну из знаковых фигур современной литературы, а Александр Дюма размышлял о концептуальной близости лермонтовского Печорина и Октава де Т. Мюссе.

Следующий доклад прочитала д-р филол. наук *И. Н. Лагутина* (МЛРИД НИУ ВШЭ, Москва). Она обратилась к неопубликованным докладам Августа Коцебу императору Александру I. Ирина Николаевна согласилась с предыдущими докладчиками в том, что Александр I был одним из самых популярных монархов Европы и что мир после Наполеона начинал жить по принципам Священного союза. При этом докладчица обратила внимание коллег на важные нюансы, сопровождавшие сложные исторические процессы. Например, Арндт радовался смерти русского полководца Михаила Кутузова, так как считал его «нерешительным стариком», рисковавшим оставить Германию на растерзание французам, а Гёте весьма скептически встретил пришествие казачьего войска в Европу: он опасался, что, освободив немцев от тирана, они примутся освобождать их от свободы. Очевидно, что при таких настроениях России нужно было улучшать свой публичный образ в глазах европейцев. Для этого российские власти предложили Августу Коцебу заняться пророссийской пропагандой за границей. Он отлично подходил на эту роль, так как являлся одним из самых популярных авторов Европы, был лично знаком со многими монархами, находился под покровительством богатейших вельмож. Помимо прочего, Коцебу писал объемные доклады для Александра I, переводил труды А. С. Стурдзы. С этим был связан скандал в Германии, так как общественность решила, что это очередная мистификация Коцебу и на самом деле автор книги не Стурдза, а он сам. Его начинают травить в журналах, присылать письма с угрозами. Из-за этого он захотел отказаться от пропагандистской работы, получил разрешение императора, но вернуться в Россию ему не удалось, так как один немецкий фанатик, даже не читавший Коцебу, а возбужденный газетными материалами, застрелил писателя на пороге его дома.

С докладом о культурно-историческом сознании Петра Чаадаева выступили д-р филос. наук *Б. И. Пружинин* (Институт философии РАН, Москва),

д-р филос. наук *Т. Г. Щедрина* (Институт философии РАН) и канд. филос. наук *И. О. Щедрина* (МЛРИД НИУ ВШЭ, Москва). В своем выступлении философы обратились к методологическому конфликту между культурно-исторической эпистемологией Густава Шпета и кембриджским контекстуализмом. Метод Шпета основан на традиции положительной русской философии и предполагает рассмотрение слов-понятий не самих по себе, но в контекстах, дающих понимание их смысла. А сторонники кембриджской школы и немецкой «истории понятий» (*Begriffsgeschichte*) опираются на логический позитивизм и анализируют «речевые акты» в контексте политического дискурса того времени, которому принадлежит произведение. На примере анализа трудов П. Я. Чаадаева докладчики пришли к выводу, что русская философия должна искать свою методологическую базу в собственных корнях, как это сделал еще сто лет назад Г. Г. Шпет.

Разговор о Чаадаеве продолжила д-р филол. наук *А. Г. Гачева* (Институт мировой литературы РАН, Москва), выступившая с докладом на тему «Философические письма» П. Я. Чаадаева: христианский универсализм как путь к примирению России и Запада». В своем выступлении Анастасия Георгиевна подчеркнула, что, несмотря на полемический тон «Философических писем», они были направлены на поиск общей культурной и смысловой базы для диалога между Россией и Европой. Таким мостиком между Востоком и Западом Чаадаев считал католическую церковь. Беря за основу основные принципы и традиции христианской культуры, страны Европы, в том числе Россия, должны были примириться друг с другом под покровительством церкви.

После серии интереснейших докладов о П. Я. Чаадаеве выступил д-р ист. наук *Ф. А. Гайда* (исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова), завершивший работу очередной секции конференции. Выступление Федора Александровича познакомило слушателей с предысторией уваровской триады «Православие. Самодержавие. Народность». Категории православия и самодержавия были рассмотрены докладчиком как берущие свои истоки в романтизме. События 1812–1815 годов возбудили в русском обществе серьезное интеллектуальное движение. Молодой российский дипломат А. С. Стурдза, редактор трактата Священного союза, написал своеобразное религиозное приложение к трактату — «Размышления об учении и духе Православной Церкви» (1816), которое было адресовано европейской публике. Стурдза писал о православии как религии любви и тем самым выступил предтечей славянофильской проповеди. Оппонентом Стурдзы выступал Ж. де Местр, развернувший в Петербурге католическую пропаганду. Еще одним собеседником де Местра по этому вопросу являлся С. С. Уваров — сотрудник Стурдзы по МИД. В 1819 году друг

Уварова кн. П. А. Вяземский сформулировал принцип «народности» как определяющий в развитии литературы. Уваровская триада, включившая в себя понятия «православие» и «народность», оказалась таким образом связана с романтическими тенденциями 1810-х годов.

Последняя секция первого дня конференции была полностью отведена творчеству В. Ф. Одоевского. С первым докладом о нем выступила д-р филос. наук *Т. Ю. Сидорина* (НИУ ВШЭ, Москва), рассмотревшая рефлексию о технике в социальной мифологии писателя. Докладчица считает, что произведения Одоевского знаменуют собой завершение эпохи философского романтизма и приход философии позитивизма. В своей критике универсальной односторонности как следствия реалистического схематизма Одоевский задолго до Шпенглера предчувствовал кризис европейской культуры. Он выразил в своих новеллах-притчах безжалостное зло рациональности, трагическую утрату поэтического, зловещий оскал инструментального — мир без поёсиса, мир страшный, пустой и жестокий. Все это впоследствии было многократно воспроизведено на полях Первой мировой войны и отразилось в послевоенном искусстве.

Доклад аспирантки филологического факультета МГУ *Чжао Яо* (МГУ — ППИ, Шэньчжэнь) раскрыл образ главного героя романа «4338-й год» и его связь с историософскими воззрениями В. Ф. Одоевского на западную цивилизацию. В докладе был рассмотрен фантастический роман В. Ф. Одоевского «4338-й год» в контексте изменений мирового порядка после войны с Наполеоном и революций в Европе. Автор доклада показала, как Одоевский в своем произведении изобразил научные и социальные достижения России в далеком будущем, тем самым свидетельствуя о том, что Россия становится победительницей в споре с Европой. В докладе также проводится анализ образа главного героя произведения и его связи с историософскими взглядами Одоевского на западную цивилизацию. В частности, докладчица рассмотрела то, как Одоевский видел будущее России и мира и как это отражено в его произведении.

Последний доклад первого дня конференции прочитал аспирант *Ким Мугем* (филологический факультет МГУ, Москва) на тему «Будущее России в представлении В. Ф. Одоевского как ответ на изменение общего порядка мира». В своем выступлении докладчик подтвердил основные тезисы, звучавшие на протяжении всей конференции, взяв в качестве удобного примера утопические труды Одоевского. Ким Мугем показал, что творческий импульс писателя был вызван переменами, пришедшими на европейский континент вместе с Наполеоном. Россия, по мысли Одоевского, в этом новом мире должна будет сыграть решающую роль в вопросах его сохранения и развития.

Завершился первый день конференции обобщающим словом *М. С. Киселевой*. Все выступления показали, что в созданном интеллектуальном пространстве есть идейная доминанта, связанная с самоопределением России, колеблющейся между противостоянием с Западом и примирением с ним на основе общих христианских ценностей. Вспомнив образ «китайской стены» из своего доклада о Киреевском, Марина Сергеевна сказала, что гуманитарные науки — это область, где стен не бывает, ведь стены только в наших головах, а молодые исследователи и взрослые ученые своим желанием «наладить контакты» эти стены преодолевают. Яркое тому подтверждение — данная международная конференция.

Второй день мероприятия начался с доклада д-ра ист. наук *В. Н. Земцова* (УрФУ, Екатеринбург) о европейском проекте Наполеона. Существовал ли этот проект вообще? В письменном наследии Наполеона отразилось много сюжетов, связанных с его размышлениями об общем будущем Европы (в основном в личных письмах). Но хотя такие идеи и существовали, докладчик полагает, что, скорее всего, это были пропагандистские шаги, не подтвердившиеся дальнейшими действиями. Закрепить континентальное господство у Наполеона не хватило сил. Неудачная военная кампания 1812–1813 годов предредила то, что общеевропейская система так и не была им создана. Важно сказать, что на такой исход повлияла и континентальная блокада Британии. По итогу мир в 1814–1815 годах возвратился к XVIII веку, а именно к балансу сил; разница лишь в том, что сейчас стали говорить о концепте великих держав. Поэтому, с точки зрения докладчика, довольно трудно утверждать, что наполеоновская эпоха радикально изменила мир. Скорее, она дала много новых импульсов для дальнейшего развития культуры, но никак не коренных изменений.

Со следующим докладом выступила д-р ист. наук *О. И. Киянская* (РГГУ, Москва). Он был посвящен влиянию наполеоновского мифа на жизнь и судьбу *С. И. Муравьева-Апостола*. Обращение к этой теме помогает ответить на ключевой вопрос биографии Муравьева-Апостола, остававшийся все это время без ответа: какими были мотивы его весьма отчаянных действий зимой 1825–1826 годов? Докладчице посчастливилось опубликовать в 2023 году письма декабриста своему отцу, в которых буквально на каждой странице упоминается Наполеон. Его имя связывалось с представлением о сверхчеловеке, способном волевым решением изменить мир к лучшему ценой собственной жизни. И Муравьев-Апостол, вдохновившись примером Наполеона, считал, что обладает теми душевными качествами, которые отличают сверхчеловека от обывателя; например, он думал, что стоит ему начать революцию в любой точке России, как тут же массы последуют за ним до самого конца. Это объясняет, зачем он

поднял восстание Черниговского полка, понимая, что после поражения на Сенатской площади кучка солдат не может иметь успеха.

В докладе д-ра ист. наук *Д. М. Фельдмана* (РГГУ, Москва) была рассмотрена история казни декабристов. Докладчик подчеркнул, что большинство материалов по данной теме носят публицистический характер, акцентируют внимание читателей на личных качествах участников процесса (например, предвзятость Николая I), богаты эмоциональными заявлениями и тем самым затмевают историко-юридический аспект проблемы. По этой причине уместно рассмотреть не только материалы, относящиеся к жизни декабристов, но и документацию следствия. Давид Маркович рассказал, что смертная казнь предусматривалась для любого, кто посягал на власть царской особы, и, учитывая, что в этом признались все декабристы, а казнили только пятерых, выходит, что император Николай I помиловал большинство виновных. В вынесении приговора учитывалось не только происхождение восставших (например, не был лишен жизни ни один князь), но и их харизма. Так, Бестужев-Рюмин был казнен в том числе и потому, что был способен «завербовать» чуть ли не любого собеседника на каторге.

С историей региональных культур Беларуси познакомил слушателей доклад д-ра искусствоведения *О. Д. Баженовой* (Белорусский государственный университет, Минск)². В нем были рассмотрены результаты организованных в 1840-е годы Константином и Евстафием Тышкевичами экспедиций по изучению белорусских земель вдоль рек Вилия и Березина. Экспедиции положили начало и определили дальнейшее развитие исторического краеведения, изучения фольклора и этнографии. Стало возможным и необходимым поставить вопрос об особенностях региональной культуры в России XIX века. Исследуемые земли были свидетелями гибели воинства Наполеона, и в устной памяти жителей хранились подробности этой исторической эпопеи. Кроме того, здесь существовало большое количество курганов, и историки предполагали найти при раскопках подтверждение связей этих земель с древней европейской цивилизацией. Но экспедиции открыли большое количество принципиально иного материала, что радикально изменило цели и результаты работы Тышкевичей. Был открыт глубочайший пласт народной культуры и устной истории, в которой «жили» события полувековой давности и даже более основательные, в несколько столетий глубины. Открытие привело к изменению статуса и места фольклорной, этнографической культуры Беларуси, а самое глав-

² Журнал публикует в этом номере статью О. Д. Баженовой, написанную на основе доклада. — *Примеч. ред.*

ное — поставило вопросы о роли и месте данной части Российской империи в исторических концептах европейского и российского развития. Обращение к фольклорной традиции в ее песенном и обрядовом вариантах показало исследователям существование особой, отличной от сопредельных культур цивилизации. Компаративное исследование с соседними восточноевропейскими и западноевропейскими культурами и их реликтами, выстраивание пантеона национальных героев и святых открыло региональную культуру Беларуси.

Завершающим первую секцию докладом стало выступление д-ра филос. наук *Т. В. Чумаковой* (СПбГУ, Санкт-Петербург) о дискуссиях российских интеллектуалов об автокефалии в николаевскую эпоху. Татьяна Витаутасовна начала свой доклад с признания в том, что, к ее удивлению, таких дискуссий в России не было и она собирается рассказать почему. В принципе под вопросом находится сама философичность темы автокефалии. Докладчица считает, что данная исследовательская область может и должна быть подвергнута философскому осмыслению хотя бы потому, что самый известный текст об автокефалии в России — обращение Филофея — обрел политическое значение только десятилетия спустя, а изначально рассматривался исключительно в качестве духовного манифеста. В докладе было озвучено предположение, что вопросы автокефалии грузинской и греческой православных церквей умалчивались и не обсуждались в николаевскую эпоху из-за недавнего подавления Имеретинского восстания (церковного бунта) 1819–1820 годов.

Вторая секция второго дня конференции открылась докладом д-ра ист. наук *К. И. Шнейдера* (кафедра истории и археологии ПГНИУ, Пермь) о соотношении либерального и консервативного в раннем русском либерализме. «Наполеоновская история» преобразила все европейское пространство, включая интеллектуальный ландшафт Российской империи. Программы декабристских организаций, сановные реформаторские проекты, борьба идей и мнений в «верхах», генезис публичной сферы, «салонная» культура, «патриотический поворот», теория официальной народности и запутанная история первого «Философического письма», славянофилы и западники, русский европеизм стали следствием известных событий начала века. Длительное время исследовательский фокус неизменно сосредоточивался на анализе самих идей в их якобы чистом виде. Вместе с тем сегодня отечественное историописание активно пополняется работами, акцентирующими интенцию изучения контекстов и разнообразных явлений, объясняющих появление тех или иных интеллектуальных конструктов. Европейская либеральная мысль в постнаполеоновский период мотивировала соответствующие идейные искания российских мыслителей. В своем выступлении Константин Ильич рассказал, когда и каким об-

разом произошло формирование начальной редакции русского либерализма, и предположил, что именно исторический контекст России первой половины XIX столетия в наибольшей степени может являться объяснительной парадигмой генезиса либеральной модели.

Тему идеологического конструирования в общественной мысли России продолжила канд. ист. наук *Р. С. Черепанова* (ЮУрГУ, Челябинск), заострившая внимание на разных подходах в создании концепта русской нации властью и интеллектуалами во второй четверти XIX века. В недавней работе М. Велижева «Чаадаевское дело...» не без удивления констатируется, что идеи первого «Философического письма» вполне сочетаются с дискурсом имперского национализма. Докладчица считает, что на самом деле и «официальная идеология», и «общественная мысль» в России второй четверти XIX века не только существовали в пространстве единого дискурса, но даже выстраивались по одной и той же двухчастной формуле, когда особый русский путь в истории описывается вначале тезисом «мы хуже всех», а затем — тезисом «мы лучше всех». При этом не только власть и общество, но и различные мыслители не осознавали этой общности. Отсюда — впечатление бесконечных споров интеллектуалов как с властью, так и между собой.

Завершила работу секции преподаватель кафедры отечественной истории Средних веков и Нового времени *Д. В. Серебрякова* (ЮФУ, Ростов-на-Дону) с докладом на тему «Русский европеизм в постнаполеоновскую эпоху: переоценка ценностей». Наполеоновская пропаганда была нацелена на создание образа России как «иной» по отношению к Европе, образа варвара, дикаря и убийцы. Однако вступление российских войск в Париж было встречено французами в основном не враждебно. Докладчица считает, что постепенно развивающееся национальное самосознание стало вступать в конфликт с европеизированной культурой дворянства, а противодействие процессу европеизации переросло в противостояние старины и новизны, традиционализма и реформаторства. Таким образом, внутренние процессы самоопределения русской образованной элиты отталкивались в том числе и от взаимного восприятия Европы и России.

После этого началась последняя секция конференции, традиционно отходящая молодым исследователям. Открыл ее стажер-исследователь *Р. Т. Девликамов* (МЛРИД НИУ ВШЭ, Москва). Темой его доклада было философское осмысление соотношения Природы и Культуры в творчестве А. С. Пушкина. Докладчик вступил в заочную полемику с Д. С. Мережковским, считавшим, что Пушкин был человеком, разочарованным в рационалистической культуре Просвещения и воспевшим свободную от душных городов жизнь на дикой

природе. Ренард Тимурович, опираясь на пушкинские тексты, выдвинул гипотезу, согласно которой позиция Пушкина была сложнее, чем примыкание к одному из двух лагерей. А именно, она состояла в том, что Александр Сергеевич был враждебен пошлой, помирающей от скуки культуре обывателя, которая жестока от пустоты, бесплодия и равнодушия. Он не соглашался признать подлинность ценностей современной ему культуры, ибо они для него поддельны — нельзя обманки принимать за подлинно существующее. И главные интуиции творчества Пушкина направлены на размышления о *живой* культуре, о живом разуме, святом Солнце Ума.

Следующим выступил стажер-исследователь *Н. В. Рябчинский* (МЛРИД НИУ ВШЭ, Москва), обратившийся к довоенным исследованиям Д. И. Чижевского о Н. В. Гоголе. В своем докладе Николай Викторович восстановил образ Гоголя и как писателя, и как мыслителя сквозь призму философии «своего места» Чижевского. Докладчик показал, что и в героях «Петербургских повестей», «Шинели», «Мертвых душ», и в умонастроениях Гоголя в его эпистолярном наследии прослеживается противопоставление внешней и внутренней жизни. Для писателя был важен центр христианской мистики, Бог, благодаря которому у человека есть свое место. Потеря связи с этим центром чревата, по мнению Чижевского, потерей цели жизни, отдачей себя внешнему миру, связыванием своей судьбы с объектами этого мира, то есть потерей самого себя.

Последний доклад — об образе Наполеона в исторической рефлексии Серебряного века (Д. С. Мережковского и Вяч. Иванова) — прочитала научный сотрудник, канд. филос. наук *А. А. Доронина* (МЛРИД НИУ ВШЭ, Москва). По мысли раннего Мережковского, Наполеон представлял собой аполлоновское начало в противовес революции и христианству, отвечающим за дионисийское начало в мире. Он считал, что постнаполеоновский аполлонизм необходимо преодолеть, чтобы высвободить подавляемые разумом и культурой духовные силы. В более поздних работах Мережковский поместил в образ Наполеона божественные силы, бросающие вызов человеческой судьбе. Таким образом, от позиции преодоления наполеонизма мыслитель переходит к осмыслению сакрального характера жизни и судьбы Бонапарта. Вячеслав Иванов, как показала докладчица, был близок к настроениям Мережковского и характеризовал Наполеона как титана исторического действия.

Международная конференция завершилась заключительным словом *В. К. Кантора* и *М. С. Киселевой*. Они сказали, что им *посчастливилось* организовать и принять участие в мероприятии, открывшем по-новому, казалось бы, так подробно изученную эпоху. Более того, научная конференция, занимающаяся исследованием диалога между Россией и Европой и объединившая

ученых со всей России, Китая, Южной Кореи, Беларуси и Франции, приобрела особую важность в наш тяжелый 2024 год.

Информация об авторе: Ренард Тимурович Девликамов — стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

Information about the author: Renard T. Devlikamov — Research Assistant at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.08.2024;
одобрена после рецензирования 01.06.2024;
принята к публикации 10.06.2024.

The article was submitted 01.08.2024;
approved after reviewing 01.06.2024;
accepted for publication 10.06.2024.